

Орл не стал задерживаться на первом этаже и поднялся на второй. Пожилая пара жила в главной спальне, а молодая - в соседней. Кровати в комнатах тоже исчезли без следа, оставив на полу лишь толстый слой пыли.

Перед входом в главную спальню Орл осмотрел дверную ручку - замок был в порядке.

При выносе мебели следы в комнатах, особенно на полу, были частично стёрты. Однако воры охотились только за ценностями, а не за уничтожением улик. К тому моменту, как они выносили мебель, кровь уже полностью высохла, поэтому большинство следов сохранилось.

Судя по пятнам крови у кровати, убийца сначала расправился со стариком слева, затем с капающим кровью оружием обошёл кровать с торца и подошёл к правой стороне, где спала старуха.

- Каково было состояние здоровья пожилого господина в этом доме?

- Э-э... кажется, оба старика были в добром здравии, - ответил шериф, на лбу которого слегка выступила испарина.

"Убийца всегда придерживался принципа начинать с сильнейшего, но... в таком случае он должен был сначала пойти в соседнюю комнату и убить молодую пару. Он так педантичен в деталях, но может пренебрегать общей стратегией? Какое-то противоречие".

Следы крови у двери были стёрты до неузнаваемости, но, опустившись на колени и припав к полу, Орл смог смутно разглядеть пятна в коридоре.

Следовавший за ним шериф поначалу счёл поведение Орла недостойным и даже покраснел - как может джентльмен так себя вести? Один из полицейских позади него чуть не рассмеялся. Шериф метнул на подчинённого гневный взгляд, но тут же заметил презрительное выражение лица Розенберга.

Конечно, оно было обращено не к Орлу, а к ним.

Шериф молча постоял мгновение, а затем тоже опустился на колени и вместе с Орлом принялся искать едва заметные следы.

- Этот человек шёл очень уверенно, не торопясь, направляясь к соседней спальне, - сказал Орл, стоя на коленях у входа в комнату. - Здесь на полу было несколько относительно крупных пятен крови, но они были так сильно растёрты, что первоначальную форму уже нельзя было различить.

Шериф тоже поднялся.

- Потому что эти капли крови расположены очень равномерно.

- Да, - сказал Орл. - Преступник проник в дом с первого этажа, разбив окно, и в темноте, не издав ни единого громкого звука, поднялся наверх, вошёл в главную спальню, а затем направился в соседнюю. Замки на обеих дверях целы. Либо у обеих пар не было привычки запирают двери на ночь, либо у убийцы был ключ, либо он мастер по взлому замков. Когда вы прибыли на место в первый раз, вы осматривали дверные ручки? На них была кровь?

В деле это не было указано, поэтому Орл спросил.

- Крови не было. Поскольку мы сначала предположили, что это ограбление с убийством, мы тщательно осмотрели замки, но, кроме разбитого окна у входа, никаких следов взлома в доме не обнаружили. Так что, это тоже дело рук знакомого? У него был ключ?

- Не обязательно знакомый. Ключа у убийцы, скорее всего, не было, но он - мастер по взлому замков, - сказал Орл, вставая и указывая на следы на полу. - Вероятно, он стоял здесь на коленях, вскрывая замок. В полной темноте, ориентируясь только на слух. Поэтому и осталось несколько крупных капель крови - они стекли с его одежды на пол. А вот здесь, я подозреваю, он положил своё оружие, завёрнутое в ткань.

- Оружие? Но разве этот тип... не оборотень?

- Подойдите сюда, - поманил Орл.

Когда шериф подошёл, он указал на пол.

- Видите? Три маленькие точки.

- Нет.

- Тогда потрогайте.

- Хорошо...

- Если лечь и присмотреться, можно увидеть три крошечные точки, пропитанные кровью. Они остались, когда он положил оружие и оно ударилось о пол.

На самом деле шериф уже нащупал их, но после слов Орла он тут же снова лёг на пол. Орл отодвинулся в сторону, чтобы пропустить немного света. Кто-то быстро сбегал вниз за фонарём. Орл взял его и осветил сбоку.

- Я вижу! Так... так этот тип - человек?!

Шериф стоял на коленях, и его лицо сияло от радости.

По поводу этого "оборотня" полиция прошла путь от версии нападения животного до маньяка-убийцы, а затем пришла к выводу, что это оборотень.

В сельской местности Нортонской империи истории об оборотнях, вампирах и ведьмах были в порядке вещей. Если уж кого-то признавали таковым, все просто брались за вилы и убивали его - просто и без затей. А вот в городах к подобным легендарным существам относились с большим страхом, считая, что с этими нечеловеческими тварями "нельзя справиться людскими силами", что обычным людям их не найти и не убить.

Будучи полицейским, шериф всегда старался сохранять спокойствие и на публике заявлял: "Мы обязательно поймаем преступника". Но и он боялся. Каждый раз во время патрулирования, услышав лай собаки, он покрывался холодным потом.

Но наличие оружия означало, что преступник - не нечисть, а человек. А раз он человек, значит, они могут его поймать.

- Да, это человек.

Остальные полицейские тоже пришли в возбуждение, многие ринулись вперёд, оттеснив

Розенберга назад.

Шериф встал, уступая место остальным.

- Такое оружие не купишь в обычном магазине. Оно тоже улика.

- Понял, я немедленно прикажу проверить все кузницы в округе, - с улыбкой кивнул шериф, а затем пнул своих подчинённых. - Быстрее! Посмотрели и разошлись!

Полицейские, которых пнули, не обиделись и тоже с улыбкой расступились.

Орл вошёл в соседнюю спальню. К счастью, следы крови у входа были лишь слегка размыты, а не стёрты полностью.

- Здесь лежала дама, а здесь - господин?

- Да, - ответил шериф, глядя на нахмуренные брови Орла. - Что-то не так?

- В комнате пожилой пары убийца сначала напал на мужчину. Но в этой комнате он сначала напал на женщину, - указал Орл на пол.

На полу виднелась лишь одна дорожка из капель крови, ведущая от двери к изголовью кровати, где спала женщина.

- Когда тело было обнаружено, голова этого господина была обращена к изголовью или к изножью?

- К изножью.

- ...Он не пытался сбежать и сам перевернулся. Скорее всего, его стащили с кровати.

- Почему вы так думаете?

Орл лёг на пол, чтобы лично продемонстрировать:

- Голова к изголовью означает, что жертва должна была как минимум сесть на кровати и с силой оттолкнуться в сторону изножья. Может ли человек с перерезанным горлом совершить такое движение? Поэтому, если бы он сам боролся и скатился с кровати, его голова была бы обращена к изголовью. Убийца пришёл сюда, скорее всего, именно за ним.

Семья носила фамилию Уинтерсон. Старый Уинтерсон был довольно известным старым портным. Десять лет назад он вместе с двумя другими такими же искусными мастерами открыл ателье - "Напёрсток". Молодой Уинтерсон, разумеется, тоже был портным. Он с детства учился у отца и теперь уже мог самостоятельно шить одежду.

В прошлом году молодой Уинтерсон женился на дочери партнёра своего отца.

Все, кто их знал, говорили, что у всех членов этой семьи был прекрасный характер, и никто не слышал, чтобы у них были враги. Это была очень обычная, но очень счастливая семья.

- Я продолжу более глубокое расследование по делу семьи Уинтерсон, - сказал шериф, махнув рукой.

К нему подошёл другой полицейский, они о чём-то пошептались, и тот тоже ушёл.

- Может, вернёмся в участок? Пока будем ждать новых сведений, я изучу материалы дела.

- Конечно, - с радостью согласился шериф. Сейчас он был безмерно благодарен себе за то, что подал запрос о поддержке в Главное Управление Содмана.

В ту ночь Орл, вернувшись в участок, всю ночь изучал материалы дела. Сначала шериф составлял ему компанию, они время от времени обменивались вопросами, но после двух часов ночи он не выдержал и, позвав на смену своего сына и других офицеров, ушёл спать.

За ночь Орл просмотрел чуть больше половины толстой папки с делом и исписал почти половину блокнота.

Проблема первая - фотография. Сделавший её человек оказался журналистом. По его словам, в силу профессиональной привычки он всегда и везде носил с собой фотоаппарат. В тот вечер, возвращаясь домой после свидания со своей спутницей, он услышал крики и инстинктивно поднял камеру, сделав тот самый размытый снимок.

Фотография была действительно нечёткой. Кроме силуэта, похожего на волка-человека под уличным фонарём, здания позади него выглядели как сплошное чёрное пятно.

Орл проконсультировался с фотографом Тани. Чтобы сделать такой снимок глубокой ночью, объект должен стоять прямо под уличным фонарём, а расстояние между ним и фотографом должно быть достаточно близким, и то лишь с некоторой долей вероятности.

После опроса присутствовавших тогда полицейских выяснилось, что в тот момент, когда все гнались за преступником, они услышали громкий щелчок затвора фотоаппарата. Затем выбежал тот самый журналист, размахивая камерой и крича: "Я сфотографировал эту тварь!" На следующий день он вышел из фотолаборатории с этой фотографией оборотня.

В городе Хаарлем журналист за одну ночь стал знаменитостью.

- Завтра утром пригласите этого журналиста ко мне.

Проблема вторая - в этом деле была выжившая. В материалах, отправленных в Содман, об этом упоминалось. Это была та самая женщина, чьего спутника убили и которая закричала. Она была ранена, но выжила. Однако после этого, кто бы её ни допрашивал, она только плакала и говорила, что испугалась, что ничего не помнит.

Через несколько дней, после того как появилась фотография, её снова допросили, и она сказала, что видела ужасного монстра с волчьей верхней частью тела и острыми когтями, который загрыз её спутника.

Однако на теле погибшего не было укусов, только "царапины".

Раны этой женщины ещё не зажили, и Орл планировал встретиться с ней, как только рассветёт.

Проблема третья - на телах жертв было два разных типа ран. Один тип - рваные, беспорядочные раны с изуродованной плотью, явно оставленные зубами и когтями животного. Другой тип - более чистые и чёткие "царапины", как, например, у пяти жертв в последних двух случаях.

Жертвы с первым типом ран были обнаружены в июле и августе, с сентября таких случаев

больше не было. Их жертвами в основном становились фермеры с окраин, бродяги и прочие крайне бедные люди. Жертвы второго типа - горожане, имеющие собственность, то есть дом и работу. С сентября и до настоящего времени все жертвы были именно такими.

Эти две категории жертв объединили в одну, потому что в августе на телах нескольких погибших обнаружили оба типа ран.

Местная полиция истолковала это так: сначала оборотень кусал, а потом научился пользоваться когтями. Но это не сходилось. На телах предыдущих жертв тоже были царапины, просто они были менее глубокими и короткими, больше похожими на следы настоящего зверя, например... дикого волка? Или крупной собаки.

"Убийца водил с собой собаку? А потом, перебравшись в город, с собакой стало неудобно?"

Орл, конечно, очень внимательно изучил дела первых жертв. Он проанализировал место преступления, место жительства, круг общения, работу, семейное положение и так далее, но не нашёл у них никаких общих черт (впрочем, полиция Хаарлема всё это тщательно проверила).

Это подводило к четвёртой проблеме. Неужели этот серийный убийца уже на ранней стадии своих преступлений обладал такой высокой степенью планирования? Он не был новичком. Может, он приехал в Хаарлем из другого места?

Значит, нужно было съездить на места первых нескольких убийств. Если жертв выбирали случайно, то убийца, скорее всего, какое-то время наблюдал за окрестностями. Хотя с момента преступлений прошло уже как минимум четыре месяца и многие следы, вероятно, исчезли, всё же стоило попытаться. А вдруг?

В шесть тридцать утра рассвело. Прошлая ночь прошла без новых происшествий, и все вздохнули с облегчением.

Также поступили новости по двум вчерашним делам. Украденная мебель нашлась. И нашёлся тот бывший охотник, а ныне наёмник, по имени Лори Пенкото.

С украденной мебелью вышла какая-то нелепая история, потому что... это сделали свои же, из полицейского участка.

Найденные краденые вещи, у которых не удавалось установить владельца, а также имущество умерших, у которых не было наследников, переходили в собственность полицейского участка или местных властей. Так было в Содмане, так было и в Хаарлеме.

Вся семья Уинтерсон из четырёх человек погибла. Они, как и девяносто девять процентов жителей Хаарлема, были приезжими, прибывшими сюда после открытия железной дороги. Никто не знал, откуда они родом, и тем более никто не знал, есть ли у них кровные родственники. Таким образом, всё их имущество, естественно, должно было перейти в собственность города Хаарлема.

По закону, с таким имуществом следовало бы подождать несколько лет. Но по правилам полиции Хаарлема, в случаях истребления семей из низших и средних слоёв, их имуществом правительство... не интересовалось. Основная часть этого имущества, конечно, доставалась верхушке полицейского участка, а остатки - рядовым полицейским.

Например, в случае с семьёй Уинтерсон, их дом и доля в ателье после продажи достались бы

шерифу и его заместителям. А мебель и украшения из дома - на усмотрение обычных полицейских.

Так что... в этот раз они просто поступили по заведённому порядку.

Утром, когда шериф пришёл рассказать об этом Орлу, его лицо было багровым, и он всё время не смел посмотреть ему в глаза.

- Везде так. Все так делают, - только и смог сказать Орл.

Возвращать вещи было уже бесполезно. Предметы, которые могли служить уликами и были испачканы кровью, - простыни и одеяла - отдали в магазин подержанной одежды. То, что можно было отстирать, уже отстирали, а то, что нет, - обрезали грязные части. Мебель же, проданная в магазин подержанной мебели, разумеется, тоже была вычищена до блеска.

Что касается бывшего охотника...

- Я прибыл позже господина Бичека и знал, что он уже повёл людей в погоню, поэтому всё, что я мог сделать, это снять маленького Бена с уличного фонаря. Кстати, я бы и один справился с этим аккуратно, но тут набежали остальные. Эти неуклюжие болваны! Кто-то схватил кишки и тут же бросил их, в итоге они порвались, и меня всего обдало дерьмом!

Бывший охотник, вызванный на допрос, не выказывал ни нервозности, ни паники. Он отвечал легко и даже мог съязвить.

- Вы знали покойного?

- Знал. Я знал большинство людей на той улице. Меня наняли на два месяца, и если бы не этот случай, я бы, наверное, и дальше там работал. Жаль, у тётушки Ниты были вкусные сэндвичи с сыром и копчёной грудинкой.

- Каким человеком был маленький Бен? У него были с кем-то конфликты, враги?

- Этого я точно не знаю, но знаю, что маленький Бен скоро должен был жениться. В тот день прибежала его невеста, хорошая девушка. Увидев его, она от страха потеряла сознание, а очнувшись, разрыдалась. Очень жаль её.

Орл чувствовал... этот парень говорит неправду, но в чём именно он лжёт, указать не мог. Даже сам вызов его на допрос был основан лишь на личном подозрении, без каких-либо доказательств его связи с убийцей.

- Большое спасибо за всё, что вы сделали в тот день. В будущем нам может понадобиться ваше свидетельское показание, поэтому, пожалуйста, не покидайте Хаарлем в ближайшее время.

- О, - бывший охотник посмотрел на Орла и фальшиво улыбнулся. - Я, конечно, останусь в Хаарleme. В конце концов, мне и идти-то некуда, не так ли?

- Мы просто так его отпустим, детектив Мондейл?

- Поставьте за ним слежку, - сказал Орл. - Две группы: одна будет следить открыто, другая - тайно. Даже если он обнаружит обе группы, не страшно. Скажите, что это для его защиты.

- Вы хотите оказать на него давление?

- Да, хотя такой очевидный приём может на него и не подействовать. Кстати, предупредите полицейских, которые будут за ним следить: личная безопасность - прежде всего. Даже если они его упустят, не страшно. Можно сказать, что упустить его - для нас даже хорошо. Потому что после этого мы сможем с полным основанием объявить его в розыск по подозрению в причастности к делу оборотня.

- Вы правы! - шериф, вынужденный отпустить бывшего охотника, поначалу был немного расстроен, но, услышав слова Орла, тут же повеселел.

Фотограф Тани, сменившийся на дневную смену, приподнял бровь и сделал пару записей в блокноте, который ему подсунул Розенберг.

Далее Орл собирался отправиться на место первого убийства. Он вышел из участка. По небу проплывало облако, и Орлу показалось, что оно похоже на волчьи уши...

Пара тёмных волчьих ушей дёрнулась дважды. Далиан, превратившийся в большого волка и лежавший на подушке Орла, вылез из-под одеяла. Он спрыгнул с кровати на пол, потянулся, и четыре чёрные волчьи лапы превратились в человеческие руки и ноги.

Сорок минут спустя начисто одетый начальник участка Рыбьего Хвоста, жуя большой кусок шкварок, вошёл в свой кабинет. На его столе стояли песочные часы. Это был второй день отсутствия Орла. У Далиана был выходной, но домой ему не хотелось, поэтому он отправился побродить по Авеню Белой Кирпичной. В витрине одного из магазинов он увидел эти песочные часы.

Песчинки были крошечными, но, глядя на них, он по крайней мере понимал, что время течёт, что невидимое время вдруг стало видимым.

Поэтому он купил большие песочные часы на час и теперь наблюдал за их течением...

Приют Мондейл. Дети из старшей группы играли на площадке. Всем им было больше двенадцати лет. В обычном приюте детей такого возраста было мало, точнее, в обычном приюте они уже не считались несовершеннолетними. Их всех уже отправили (продали?) оттуда.

Однако в приюте Мондейл никто из этих детей не предавался беззаботному веселью. Большинство из них, и мальчики, и девочки, вязали свитера и одновременно что-то бормотали себе под нос: те, кто читал новости, практиковались в грамматике; те, кто повторял таблицу умножения, занимались математикой; те, кто заучивал названия улиц, готовились стать кучерами; были и те, кто читал "Священное Писание", разучивал ноты, а самые упорные зубрили законы...

В общем, никто из детей не сидел без дела.

В приют вошёл мужчина. Он был высоким, в дорогом длинном пальто, с распущенными чёрными волосами и в старомодном высоком цилиндре. Изумрудные глаза и алые губы украшали его невероятно красивое лицо, настолько красивое, что его можно было бы назвать "прекрасным до женоподобия", но никто бы не ошибся в его поле.

Но что ещё более странно, так это то, что такое заметное и яркое существо, казалось, никто не видел - ни дети в приюте, ни взрослые, которые по обыкновению толпились у ворот.

Мужчина подошёл к мальчику, читавшему "Священное Писание".

- Ты верующий в Свет, дитя?

- Кто поверит в это дерьмо? - мальчик, прервавшись на полуслове, ответил и тут же продолжил читать с того же места.

Он не отрывал взгляда от вязания в руках, его глаза были сосредоточены на работе. Его друзья, сидевшие рядом, продолжали заниматься своими делами, никто не обратил на мужчину ни малейшего внимания и не проявил любопытства к странному поведению своего товарища.

- Тогда почему ты его читаешь?

- Потому что я хочу поступить в духовную семинарию, стать священником, а затем сделать всех верующих в моём приходе "детьми Мондейла".

Мужчина удивлённо поднял брови, и в его изумрудных глазах вспыхнул живой интерес.

- Вы собираетесь проповедовать для него? Но я слышал, ему это не нравится.

- Господину не нравится, когда мы переходим от веры в одного лжебога к вере в него. Он не хочет, чтобы кто-либо отказывался от себя и считал божество высшей силой. "Дети Мондейла" верят не в него самого, а в его взгляды. Только так господин разрешил нам верить в него. Впрочем, мы понимаем, что он имеет в виду. Он не хочет, чтобы мы, выбравшись из одной ямы, тут же угодили в другую. Но наша прежняя вера в того лжебога и нынешняя вера в него - это разные вещи. Мы знаем, что он не всеведущ и не всемогущ, что он тоже человек, но мы всё равно верим в него. Вера в него не причинит нам вреда. Мы верим, что все его решения принимаются ради нас. Это похоже на веру в мать или отца, только он заслуживает большего доверия, чем настоящие кровные родственники.

- А если... он прикажет тебе умереть?

- Я умру.

- Но разве тот, в кого ты веришь, - не тот, кто не причинит тебе вреда и желает тебе добра? Разве приказ умереть - это не вред?

- Да, поэтому, когда он велит нам идти на смерть, это, должно быть, вынужденный и необходимый выбор. И только подчинившись его выбору, мы сможем предотвратить беду. К тому же, я верю, что он не позволит мне умереть в неведении. Он всё нам объяснит, и поэтому в тот час мы непременно отправимся на смерть спокойно и с улыбкой.

<http://bllate.org/book/17916/1715947>